

В последнее время Шуреин была занята из-за инцидента со Свонхэйденом. Подозрения вызывали не только семья Бланш, но и белая магия, поэтому она потратила много времени на изучение их способностей. Из-за того, что Шуреин была занята учебой, она не могла поиграть с Гестией, и та обиделась. Девочка отправилась в особняк Флавидов, чтобы успокоить расстроенную подругу.

Пока Гестия разговаривала со своей матерью, графиней Флавид, Шуреин отправилась в её комнату и стала ждать. Она немного прошлась по спальне подруги, выкрашенной в розовый цвет. Комната была украшена цветами. Шуреин села в кресло, а затем обнаружила странный предмет, спрятанный под её столом. Вся комната была розовой и оформленной в стиле принцессы, но только то, что находилось там, было серым.

— Что это?..

Шуреин чувствовала себя виноватой перед Гестией, поэтому не стала вынимать его, а просто подошла поближе, чтобы рассмотреть.

— «История империи и будущие политические тенденции»?

Под столом были спрятаны толстые книги. Гестия тайно взяла их из кабинета её отца. Она не могла оставить книги на всеобщее обозрение, так как опасалась, что их заметят, поэтому спрятала под столом. Гестия не понимала содержания книг, которые принесла, но каждый день находила и запоминала термины, которых не знала.

Затем взгляд Шуреин остановился на открытом блокноте её подруги. Гестия каждый день записывала свою позицию и мысли об империи кривым почерком. Хотя содержание было немного детским, но она чётко излагала свои размышления. Гестии, похоже, действительно нравилось писать.

Миллион раз извинившись перед подругой, Шуреин прочла несколько страниц из блокнота. Уголки её губ задрожали.

«Гестия, ты такой милый ребёнок!»

Шуреин не могла перестать улыбаться. Ей не нужно было волноваться, Гестия прекрасно справлялась сама. Шуреин гордилась своей подругой. Она подумала, что это замечательно, что Гестия в таком юном возрасте самостоятельно размышляет и записывает свои мысли. Но вскоре лицо Шуреин помрачнело. Причина, по которой Гестия, несмотря на свой талант, скрывала, что она пишет и притворялась глупой, скорее всего, заключалась в семейных проблемах. Несмотря на то, что этот ребёнок нашёл в таком юном возрасте то, что ей нравится и усердно учится, у нее не было другого выбора, как умалчивать об этом.

Шуреин нахмурилась.

«Что нужно сделать, чтобы Гестия смогла уверенно заниматься тем, чем хочет?»

— Ш-Шушу! Что ты делаешь?!

В комнату вошла Гестия, которая закончила разговор с графиней. Судя по её тяжелому дыханию, она, похоже, бежала.

— Просто смотрю, что ты вышила.

С притворным равнодушием Шуреин отошла от стола. Гестия вздохнула с облегчением и, естественно, поставила корзинку с печеньем на открытый блокнот.

— Кстати, Шушу, почему ты не разрешаешь мне ночевать у тебя дома в последнее время?

— Твои родители беспокоятся.

— Хм, вот как? — Гестия почесала щёку и обняла Шуреин. — Шушу, ты впервые за долгое время пришла ко мне домой, почему бы тебе не остаться сегодня у меня с ночёвкой?

Гестия надула щёки и широко распахнула глаза, насколько это было возможно. Она выглядела настолько милой, что любой обычный человек не устоял бы, поэтому Шуреин заколебалась.

«Щёки... Хочу прикоснуться к ним».

Шуреин, у которой некоторое время тряслись пальцы, пришла в себя. Она тоже хотела переночевать в доме Гестии, но беспокоилась о Свонхэйдене. Шуреин казалось, что он умрёт, если она не навестит его хотя бы день.

— В следующий раз. Я останусь у тебя ночевать в следующий раз.

Гестия надулась от обиды, потому что её милота не сработала на Шуреин. В конце концов девочке потребовалось потратить немало времени, чтобы успокоить свою подругу.

Шуреин взяла пять камешков, чтобы научить Свонхэйдена играть в конги(1). Как обычно она упаковала закуски, лекарства и бинты. С какого-то момента Шуреин перестала брать с собой меч для самообороны или защитные магические аксессуары. Свон больше не представлял угрозы для её жизни.

Шуреин напевала, вспоминая выдающуюся внешность Свонхэйдена.

— Свон, сегодня я...

Однако, когда она появилась в его комнате, песня оборвалась.

— Свон!

Свонхэйден лежал на полу, царапая стену. На сломанных ногтях была кровь. А на стенах, исцарапанных им, — следы от его ногтей. Свонхэйден схватился за стену, тяжело дыша и заливаясь слезами. Он не мог контролировать свое тело. Свонхэйден никогда раньше не показывал, как рыдает от боли.

Хотя он казался слабым, но никогда не испытывал таких страданий. Несмотря на то, что Свонхэйден всегда был изранен, мальчик всегда приветствовал её с нахальным лицом и голосом, даже если ему было больно. Но сегодня всё было по-другому. Кровь текла не только из новых ран, но и из заживших шрамов.

— Всхлип... У-у-у... Всхлип... У-у-у...

Свон страдал, не понимая, что пришла Шуреин. Раны, незажившие новые и старые, вскрывались вновь. Он был с ног до головы покрыт кровью. Прерывисто дыша, Свон стиснул зубы.

Шуреин подбежала и подхватила его, когда он уже был готов рухнуть. Свонхэйден крепко вцепился в её спину, когда она обняла его. Ногти Свона больно впивались в её кожу, но Шуреин молча терпела, потому что мальчик плакал, уткнувшись лбом в её плечо. Цепляясь за неё и тяжело дыша, Свонхэйден не переставал рыдать. Слезы, смешиваясь с кровью, падали на пол красными каплями.

— Почему... Всхлип... У-у-у...

Свонхэйдену было так больно, что он даже не мог нормально дышать.

— Почему я... Почему я такой...

— Свон, дыши.

— У-у-у...

Его голос дрожал. Откинув назад его волосы, мокрые от пота и крови, Шуреин намазала

мазью раны Свона, которые снова вскрывались, но безрезультатно. Свонхэйдэн ударил её по руке, словно её действия причиняли ему боль.

— Хочу убить... Я убью их всех...

Но Свон, запертый в комнате, ничего не мог сделать. Он лишь выплёскивал свою злобу, чувствую боль, которая пронзала его тело, словно удар молнии. Шуреин прошиб холодный пот, когда она посмотрела в глаза Свонхэйдена, которые светились жадой убийства. Свон плакал так, словно вот-вот сломается.

— Почему они хотят причинить мне такую боль?..

— ...

— Почему я должен жертвовать собой ради этих отвратительных людей, которым наплевать на мою боль?..

Шуреин молча слушала Свонхэйдена. Похоже, когда боль усилилась, ему стало труднее ментально. Маленький мальчик, на бесстрастном лице которого не появлялось никаких эмоций, кроме отвращения, плакал от боли. Его взгляд был расфокусирован. Он был не в себе.

— ...Чем я отличаюсь от мусорного ведра, всхлип? Все эти раны сломали мое тело, превратив его в лохмотья, — Свон тяжело дышал, задыхаясь. Казалось, что его сознание всё сильнее путалось. — Я всё испорчу, чтобы все смогли меня понять...

К тому времени, когда Свонхэйдена охватило безумие, он потерял сознание, произнес последние слова. Шуреин убедилась, что Свон без сознания, молча вытерла его кровь, почистила одежду и сменила повязки. Она также произнесла заклинание, временно увеличивающее его природную целительную силу. Когда Свон потерял сознание, раны, изуродовавшие все его тело, быстро заживали сами по себе. Шуреин подняла Свонхэйдена, который снова стал походить на человека, и уложила его на кровать. Вскоре он открыл глаза. Убедившись, что он спокойно лежит на кровати, Свон посмотрел на Шуреин, а затем снова прикрыл веки.

— ...

Какое-то время он притворялся, что спит, а потом открыл глаза. Когда его раны в некоторой степени зажили, к Свонхэйдену вернулся рассудок. Свон предпочёл бы умереть, чем кто-либо увидел, как он страдает. Свонхэйдэн хотел провалиться сквозь землю, так как думал, что Шуреин слышала его монолог. Он не помнил, что говорил.

— ...

Свонхэйдэн посмотрел на свое чистое тело и повязки и повернул голову к Шуреин. Когда его магия становилась сильнее, он испытывал так называемый «обратный поток боли». Раны, которые не зажили естественным путём, превращались в шрамы из-за избытка маны. А когда его сила становилась нестабильной, они снова лопались. Поэтому на его теле было так много шрамов.

Свонхэйдэн думал, что когда он потеряет сознание и очнётся снова, то его тело будет изуродовано новыми и старыми ранами. Однако, вопреки ожиданиям, повреждения быстро заживали, а шрамы были аккуратно перевязаны. Он ненавидел следы от ран на своем теле и прикрывал их бинтами и длинной одеждой, что и сделала для него Шуреин. Свон впервые почувствовал к ней благодарность, но не понимал, что это за эмоции, поэтому не высказал их вслух, так как ему было неловко.

— Твое плечо...

Правда, он посмотрел на Шуреин и обнаружил рану на её плече. Она попыталась прикрыть её, сказав, что это пустяк, но Свонхэйдэн нервно убрал её руку.

— Это из-за меня.

Свонхэйдэн, нахмурившись, смотрел на плечо Шуреин, на котором была ужасная рана. В тот момент он впервые почувствовал сожаление наряду с благодарностью, но не знал, что это такое, поэтому промолчал. Вместо этого Свонхэйдэн положил руку на плечо Шуреин и сконцентрировал свою магию. Он хотел залечить её рану. Свон впервые захотел вылечить кого-то. Однако Шуреин оттолкнула его руку.

— Не надо.

— Не двигайся.

— Не делай этого. Ты собираешься исцелить меня.

Когда Шуреин упрямо отказалась, Свонхэйдэн нахмурился. Он надеялся, что этого не случится, но она, похоже, узнала секреты его семьи. Судя по тому, что Шуреин, которой не нравилось, что он был покрыт ранами, отказывалась от лечения, она понимал его суть. Свон коснулся своего лба.

— Если ты не хочешь потерять память, заткнись и дай коснуться твоей раны.

Если узнают, что она знает о секретах герцогской семьи, то ей сотрут воспоминания. Род Бланш был такой же закрытой, как и скрытной, поэтому даже малейшей утечки информации быть не должно было. Кроме того, до сих пор в герцогской семье появлялись один за другим белые маги с помощью бесчеловечного процесса. Эта процедура считалась наиболее важной,

потому что белые маги могли принадлежать только роду Бланш.

Свонхэйден был почти уверен, что Шурейн узнала секрет герцогской семьи. Когда он силой попытался её вылечить, она закричала:

— Я же сказала, что не хочу!

Примечание.

(1) Конги или конги нори (콩나물) — детская игра, заключающаяся в подбрасывании и ловле пяти маленьких камешков по определённым правилам.

<http://tl.rulate.ru/book/26024/2385432>